

ЛУННЫЙ
КНЯЗЬ

ЛЕГЕНДА

Виктор Харп

16+

Виктор Харп

Лунный князь. Легенда

«Автор»

2020

Харп В.

Лунный князь. Легенда / В. Харп — «Автор», 2020

Бывший принц, он же - бывший раб Райтегор стал князем и обрел семью и дом. Но радоваться рано. В доме беспокойно. В семье - жуткие тайны. И еще ждет реванша главный враг - Верховный Гончар, правда, теперь тоже бывший. Они оба готовятся к новой схватке, а вместе с Райтэ - его маленькая, но могущественная армия дарэйли, мечтающих создать рай на земле. Но оказывается, главная опасность для Райтэ и хрупкого мира Подлунья - это он сам.

© Харп В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть I. Легенда о лунном дьяволе	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктор Харп

Лунный князь. Легенда

Часть I. Легенда о лунном дьяволе

Глава 1

А жизнь-то – не такое уж и дерьмо, как я о ней думал все мои годы. Налаживалась.

Одна беда: в себя я прихожу лишь на закате, как только сумерки в покоях начинают сгущаться.

Сумерки – это благодать. Окна в моей комнате – узкие бойницы, в них и так проникает не слишком много света, но они всегда закрыты ставнями и плотными гобеленами. Солнце для меня невыносимо. Было. Три месяца назад. Сейчас уже не так жжет, но привычка осталась.

Зато я свободен. Ну, если не считать того, что прикован к постели.

Зато уже не надо никуда бежать, даже если бы мог. Да и некуда.

Зато я – князь. Дед меня признал за кровного внука и проклятие снял. Всё легче.

И у меня в собственности – пока совместной с дедом, но это мелочи для вчерашнего нищего принца – есть замок и неплохой такой кус земли, побольше королевства Ардонии, с которого начинал путь к власти над миром мой создатель Ионт.

Пока мне не до мира, и даже не до моих владений.

Пока все мысли, все чувства, весь мир сосредоточились для меня под левой лопаткой. Мерзавец Съент не просто подрезал мое крыло силы. Он сделал так, чтобы рана не затянулась, и я не мог восстановиться.

– У меня должна быть уверенность, что князя Энеарелли не закроют передо мной ворота замка, когда я приду, – сказал Гончар прежде, чем уехать в Озерную обитель. – Единственное лекарство Райтегора – быть рядом со мной. Чем больше расстояние между нами, тем сильнее будет боль.

А увезли меня далеко.

И эта сволочь медлит с приездом. Чтобы я проникся. Чтобы ждал с нетерпением.

Три месяца жду «наставника», как девка суженного. Тьфу.

Поначалу было больно от каждого шороха, от звука человеческого голоса, от всего мира. Говорят, я страшно орал и мечтал сдохнуть. Врут, гады. Может, и орал, но вот сдохнуть – не мечтал, не дождутся. У меня главное дело еще не сделано в этом мире.

Сейчас восприятие притупилось, или я научился его контролировать.

А в последние трое суток совсем полегчало. Потому-то я и счастлив.

Значит, мой враг уже близко. Теперь я его чувствую, как железо – магнитную гору. Иногда кажется: будь у меня чуть побольше сил, сам бы потащился к нему навстречу и вцепился в горло, лишь бы скорее прекратить эту пытку.

Потому мои вассалы и караулят меня, как арестанта – вдруг сбегу от них.

Зря бояться.

Не к лицу князю Энеарелли ползти к врагу поскуливающей шавкой. Особенно, когда единственная мечта – вцепиться ему в горло и порвать. А нельзя. Нельзя! Еще десять лет мне придется сдерживать это желание. Тренировать выдержку.

Ничего, какие мои годы? Дождусь своего часа. Я же не человек. Нелюди живут куда дольше людей, а мне всего восемнадцать. Как вчера выяснилось.

Тихий, как шелест, звук отвлек меня от мрачных воспоминаний. Дверь приоткрылась. Говорю же, бдят. Спасибо, не у постели стоят со свечками. Всяких рыцарей-сиделок я давно из покоев выгнал – надоели своим ржаньем, гоготом и жизнерадостными мордами. А слезливых девчонок и вовсе не подпустил к себе. Терпеть не могу сочувственные вздохи и дрожание ресниц. Не дай Эйне, разревутся еще.

– Не мешай, ничего мне не надо! – громко сказал я, чтоб потом не притворялись, что не слышали.

Щель увеличилась. Просунулась широкая и полосатая морда Граднира, чаще всех стоявшего на страже в самое глухое время суток. Ночной образ жизни вполне устраивал его кошащую натуру.

– Точно ничего не надо? – спросил настырный. – Может, на горшок проводить?

– Граднир, вон! – свирепея, прорычал я.

Дверь захлопнулась.

Гады. Никакого почтения к сюзерену! Причем, я не просил эти наглые морды набиваться мне в вассалы. Просто не смог отказать им в защите.

Моё совершеннолетие отмечали вчера скромно, без балов и трехдневных пиров. В узком кругу. Собрались дед Дорант, бабка Анита, полсотни моих дарэйли и столько же рыцарей из самых знатных в княжестве Энеарелли.

Дед, в отличие от меня, за три месяца почти оправился от смертельной раны. Никто уже не мог поставить под сомнение его дееспособность. И он отчеканил, глядя в перекошенные знатные рожи своих баронов, что я, пусть и нелюдь, отныне его законный наследник.

И по всем правилам старый Дорант Энеарелли разделил со мной власть над землей и людьми... пока на правах соправителя. А корона владетельного князя не убежит, вот как совсем поправлюсь, так и надену.

Темнит дед.

Забыл он, что отрекался от короны, когда при смерти лежал в грязи близ Озёрной обители. И никто ему напоминать не стал, хотя тогда его же рыцари были свидетелями. Заляпанная кровью бумага с отречением и его подписью валяется у меня в ящике стола. Печати на ней все равно нет. Мусор, а не документ.

Осуждать старика не могу, и рвать остатки власти из его рук не буду. Над людьми по-прежнему он стоит. Вот и хорошо: им привычнее, ему сподручнее.

А мне и моих демонов хватит. Да и других дел.

Для начала – наверстать десять лет отсутствия в этом мире. Залатать дыры в образовании, натренировать ум, раз уж физически я пока – слабак и ничтожество.

Пока я подтягивал географию и политические расклады Подлунья. С тех пор, как я убил императора Ионта и бежал в другой мир, здесь многое изменилось.

Карту мира – огромную, во всю стену – слуги повесили напротив ложа, и я поневоле, едва продрав глаза, запоминал расположение и названия бухт, портов, городов и сел.

Наши с дедом владения – почти в центре Подлунья, хотя и находится княжество на краю земли, на берегу Закатного моря.

На востоке от него лежит весь огромный материк Геш. Сейчас это бурлящий междоусобицами котел с остатками распавшейся Ардонской империи.

На западе – океан, где господствует королевство Тысячи Островов.

На севере и юге вздымаются гряды гор с нашими рудниками и шахтами.

Маленькое королевство, чего уж там скромничать. Хотя, если вспомнить, что формально я до сих пор – наследник императора Ионта, то поскромничал изрядно.

Еще одна важная бумага поселилась на столе. План замка.

Я протянул руку к столику в изголовье ложа, взял тяжеленный серебряный кубок и отпил глоток горькой воды. Какая-то лекарственная дрянь. Дейя постаралась – ее присутствие явственно ощущалось, словно на плечо легла прохладная ладошка дарэйли воды.

Удивительное дело: сил меня почти лишили, а чувствительность возросла.

Хорошее лекарство. Бодрости сразу прибавилось. Я сел, спустил босые ноги на ледяной пол. И зачем я приказал выбросить все ковры, кто бы мне напомнил?

Стул, на который я оперся – это не я слаб! это пол скользкий, зараза! – скрипнул.

Тут же распахнулась дверь и ворвался Граднир.

– Стой, княже! Я помогу!

Да щас! Совсем меня за дохлого держат.

– Не надо! Я с вашей помощью скоро совсем ходить разучусь! – проворчал я. Добрался до стола, сел в кресло и разгладил план замка.

Граднир, потоптавшись и не получив распоряжений, тихо исчез. Достали меня эти няньки!

Я придвинул чистый лист и начал перерисовывать секретный (каждый дарэйли заглянул, чтобы иметь представление) план замка в меньшем масштабе. Мне не мешает такая шпаргалка в кармане камзола. Я ж не дарэйли сферы Логоса, чтобы запомнить эту паутину с первого взгляда.

Настоящая цитадель. А я-то, наивный, еще мечтал взять ее штурмом с десятком дарэйли. Тут и сотня не помогла бы.

Да что там, крепость устояла даже в войну Трех миров, когда сцепились между собой маги высших миров, Солнечного и Лунного. Оставим в стороне вопрос, почему воевали они на земле низшего Подлунья, где и магов-то, по мнению линнери, толком не было.

Так вот, вдали от меня высшие. Были настоящие человеческие маги, были. У меня есть неоспоримое доказательство – замок Энеарелли.

Цитадель росла вокруг высоченной и самой древней башни-донжона, давно уже нежилой, но оставшейся в центре шести позднейших пристроев. Всё вместе напоминало шестикрылую звезду с неровными промежутками между «лучами», вписанную в двойной шестиугольник крепостных стен.

Даже если враг преодолеет стены, то попадет в «котлы» между «лучами», а если падет и эта оборона, то гарнизон и челядь могли укрыться в центральной башне, стоявшей в центре шестиугольного колодца между сомкнутыми пристроями и связанной с ними подъемными мостами. Крытые переходы-мосты соединяли и ближайшие «крылья», превращая «звезду» в паутину, способную поймать даже дракона.

Архитектура убеждала лучше всех легенд: замок возник в давно минувшие дни могущества человеческих магов и рассчитан на оборону от воздушных атак. Не зря я сюда стремился. Как знал, что ничего лучше не найти для подготовки наступления на Гончаров.

Один луч «звезды» Дорант отвел в полное распоряжение моих дарэйли.

Конечно, мое место правящего князя было в главном крыле, рядом с покоями деда и бабушки, княгини Аниты, но мои вассалы не согласились выпускать сюзерена из лап.

За три месяца свободы вчерашние рабы освоились и горели жаждой перевернуть мир.

Полсотни самых удивительных существ Подлунья, собравшись в огромном зале третьего этажа нашего крыла, строили планы, как преобразят княжество, сделав его раем на земле, царством свободных дарэйли, империей «даров духов». Покажем, мол, миру, как надо жить.

Хорош будет рай – с дарэйли смерти во главе. Если Съент не ошибся в определении моей сущности.

А если ошибся?

Тогда всё гораздо хуже для меня.

Потому что все смертоносные атрибуты Лунного дьявола у меня имеются: и мглистый меч-полусерп, обычное оружие для магов Линнерилла, и крыло мрака, и та нереальная легкость, с которой я убил уже с десятков не самых слабых Гончаров, жрецов бога Эйне. И никто, даже иерархи и их демоны, не смог остановить меня на пути в замок Энеарелли.

Теперь это мои демоны.

А что говорилось в той легенде горцев Ардонии, откуда родом мой создатель Ионт?

А говорилось там, что Лунный дьявол наделяет своих избранников – то есть тех, кого присмотрел себе для воплощения в чужом мире – неуязвимостью, непобедимостью и неутомимостью.

С неуязвимостью у меня проблем нет, если не считать моей собственной дурости (льстец скажет – благородного безумия, но мы-то знаем), из-за которой я добровольно дал жрецу срезать мое крыло силы в обмен на жизни друзей.

С непобедимостью пока тоже всё пучком, раз из схватки с Верховным и его сворой я вышел почти целым (о дурости уже сказано, повторяться не буду).

И власть свалилась, едва руку к ней протянул.

Неутомимости вот не наблюдается. Так смотри выше о дурости.

И еще. С чего бы магам Линнерилла было десять лет возиться с неполноценным однокрылым дарэйли, выходцем из враждебного им Подлунья?

Ну, хорошо, не возиться, а пытаться и бить смертным боем сначала в застенках так, чтобы ни единой целой кости не осталось. Срачивать и снова бить. А потом, уже во дворце Лунной королевы, на «тренировках» мою шкуру спускать ленточками, залечивать и снова спускать.

Но ведь обучили же и заклинаниям, и бою на мечях. Зачем?

И с какой радости они позволили мне, пленнику, бежать восвояси?

Не мог же я сам по себе быть настолько хитрым и изворотливым, чтобы уйти от их погони, пусть даже мне помогала сама Лунная королева? Нет, поймите правильно, я всё же не совсем дурак. А для огромных и испуганных глаз девчонки-королевы так и вообще весь из себя супервоин и гений. И ведь одного из высших магов линнери я на ее глазах точно грохнул. Высшего! Правда, не с такой легкостью, как тут – разжиревших Гончаров.

Но кто дал мне, еще зеленому юнцу, чего уж перед собой-то нос задирать, силу, чтобы выжить в аду?

А Линнерилл – это ад.

И как мне после всего этого не заподозрить, что тут что-то не так? И мое тело, может стать, не совсем мое? Может, его давно уже облюбовал для своего воплощения в нашем мире Подлунья божок Линнерилла, которого Гончары называют лунным дьяволом? И сейчас он тихой сапой подбирается к моему разуму? Привет, паранойя.

Чертова легенда, лучше бы я о ней никогда не знал.

Именно мысль о князе Тьмы и стала последней каплей, заставившей меня три месяца назад согласиться на договор с Гончаром и повернуться к нему спиной.

Бороться с самим собой лучше не в одиночку. Пока отрастает срезанное крыло, будет время понаблюдать и подумать. Потому что не только моих друзей и врагов, но и меня самого в том бою напугала моя темная мощь.

Но теперь я проклинал свое решение. Ведь я мог драться до конца. И не стал. Решил, что тактическое отступление затем вернее приведет к полной победе.

* * *

В дверь громко и решительно постучали.

– Ну что там еще, Граднир? Я занят! – рывкнул я, старательно перерисовывая план замка на более компактный и тонкий лист пергамента.

– Княгиня Анита желает видеть князя Райтегора, – торжественным тоном мажордома сообщил дарэйли, – если ваша... хм... светлость в состоянии оказать ей честь. Тебе помочь одеться?

– Сам справлюсь. Сегодня рана не так ноет. Наверное, Съент скоро прибудет.

Граднир отвел блеснувшие глаза, но рык не сдержал:

– И хор-р-рошо! Можно, я его растерзаю на волокна?

Не дай Сущий! Теперь я боялся за жизнь жреца, как за собственную никогда не переживал.

– Сколько можно говорить: этот Гончар неприкосновенен! На время договора. Угробить меня хотите? И потом, он – мой. Только мой, Граднир.

Тигриный дарэйли тряхнул наполовину перевоплощенным мохнатым ухом, недовольно фыркнул, но заткнулся.

Обойдется.

Точно такой диалог у меня был с каждым из дарэйли, кроме Мариэт. Даже светлые оказались кровожадны и горели жадой мести. Но на вассалов я еще могу как-то повлиять, а вот на деда... Князь Дорант лишь вчера перестал угрожать расправой над Съентом. Притих. Это было хуже всего: значит, что-то задумал.

Глава 2

К княгине нельзя прийти небрежно одетым, и я изрядно намучился, напяливая узкие и неудобные одежды: штаны до колена, расшитый гербами камзол с уродскими разрезанными рукавами, рубаху с каскадом кружев, словно это нижняя юбка у девицы. Тьфу.

Надо будет указом ввести в княжестве лаконичный военный стиль. Вообще-то мне, если я дарэйли смерти, полагается ходить в скромном саване.

– А где все? – спросил я, удивившись пустоте помещений, когда мы вышли в залы. Встретилось несколько стражников-людей, но ни одного дарэйли не наблюдалось. Тигрище пожал плечами и ускорил шаг.

– Граднир!

– А... э-э... – замялся он. – Вроде как старый князь изволил поохотиться вместе с Ринхортом, они еще не вернулись. Шестеро наших остались для охраны, рассредоточены по крепости.

Надо будет поругаться с Ринхортом: какого черта!

– Но дед же еще не настолько поправился!

– Мариэт творит чудеса, – пробормотал полосатый, отводя желтые глаза.

Мариэт... Стыдно признаться, но в жизни никого не боялся так, как этой девушки, вечно закутанной в черные одеяния и вуали.

Утешает то, что она боится не меньше. Просто трясется от ужаса каждый раз, когда я выбираюсь из своих покоев. В стенку вжимается, стоит нам повстречаться в переходе. У меня, кстати, появляется нестерпимое желание вжаться в противоположную. Но это невозможно, так как меня обычно волокут на себе Ринхорт или Граднир.

Мариэт так и не принесла мне вассальную клятву. Разве может сущность жизни быть вассалом у сущности смерти? Таким антиподам и встречаться-то не рекомендуется, не то что пребывать под одной крышей.

И, конечно, она не в состоянии излечить того, кто имеет прямое отношение к смерти. Мариэт и не предлагала, что обидно.

Я резко остановился.

– Дарэйли Граднир, либо ты доложишь мне, как полагается, либо проваливай отсюда на веки вечные!

Он вытянулся – глаза навывкате, усы торчком, пасть в клыках. Гаркнул:

– Есть доложить! – и сразу обмяк, махнул когтистой лапой. – Да было бы что. В окрестностях нечисть какая-то завелась, вот и решили проверить. Тебя не стали беспокоить из-за такой мелочи.

– Какая еще нечисть? Гончары?

– Не угадал, – хохотнул тигрище. – Помельче. Селяне вчера пришли с жалобой, что покойники из могил встают. Говорят, то ли упырь, то ли некромант шалит в округе, то ли оба вместе.

– Что за бред! В Подлунье не бывает упырей.

– Как знать... Раньше-то была всякая дрянь, вот память и осталась. Дарэйли смерти тоже давно не появлялись. С войны Трех миров.

Я замолчал и ускорил шаг.

Какие-то смутные слухи о беспорядках в округе до меня долетали. Та же Дейя рассказывала. В замке шептались о внезапном падеже стада коров, о поветрии неизвестной болезни, выкосившей целую деревню, но такие вещи часто случаются в мире.

Может, и правда, пока я валялся в бреду, то как-то воздействовал на покойников? Или во сне. Кто знает, кроме Гончаров, как повлияет на мир такая сущность, какую опознал во мне Съент? Дарэйли смерти. Мрааак...

– Так ты думаешь, та нечисть как-то связана со мной? – спросил я.

– Ходят такие слухи у людей, – презрительно сморщился тигрище. – Мол, и очнулся-то ты ровно через сорок дней, и дневной свет не переносишь, и вышел из покоев первый раз в ночь, когда взошло солнце мертвых.

– Какое солнце? – снова остановился я.

– Полную луну они так называют, Ночную хозяйку. Ну, и то, что ты не спишь по ночам, особенно, когда луна светит, их тоже не радует. И прозвище дали тебе соответствующее. Лунный князь.

Я фыркнул, хотя было вовсе не смешно: додумаются ведь и до лунного дьявола, изгонять начнут.

– Что-то еще происходит, Граднир? Договаривай уж. Все равно я чувствую, что вокруг нехорошо как-то. Словно бродит что-то, не пойму что.

Он с интересом покосился на меня.

– Чувствуешь? Не мудрено. Ты ведь сущность смерти, вот и чуешь ее. Люди пропадать начали. А вчера трупы опять нашли в лесу. Без признаков насильственной смерти.

– То есть, и раньше находили?

Полосатый кивнул. Я выругался:

– Дьявол! Так они думают, что упырь или кто там еще – это я?

– Неважно, что они думают. Ринхорт со старым князем разберутся, что за урод работает под мифическую нечисть.

Этого еще нам не хватало. Мало нам того, что между дарэйли и людьми отношения сложились, мягко говоря, натянутые. Они нас боялись до жути. И завидовали. Люто, до ненависти завидовали. Это чувствовалось во всем.

Не помогло и то, что все мужчины, кто пожелал, получили новое оружие и доспехи. Не помогло, что светлые хранители занялись окрестными землями, водами и живностью.

Невиданные урожаи, надои, уловы – все напрасно. Это милость Единого, разумеется. Без демонов было бы еще лучше.

А тут еще внезапный мор... Демоны виноваты, кто же еще!

Дед объяснил мне однажды, что если бы мы были, как раньше, презренными рабами Гончаров, зависти не было бы. Людям сложно примириться с теми, кто превосходит их во всем. Это заставляет их чувствовать себя обделенными богом, ущербными калекками. Сам факт нашей свободы делает их несчастными, подумайте только!

А с нашей стороны росло презрение дарэйли к слабым людям. Это тоже витало, и пока ничего я сделать не мог. И все это слишком напоминало Линнерилл: высших линнери и низших хьёрсов. Надменных пастухов и паршивых овец.

Мерзость какая. Разве этого я хотел?

– Важно, Грандир. Это очень важно, что они о нас думают. Мне не нужен конфликт дарэйли и людей. Бунта захотел?

– Да что они нам сделают? – отмахнулся вассал.

– Ты, дружище, хотел сделать тут рай на земле. Рая еще нет, а восстание вот-вот случится.

– Не случится. Людишки трусливы. Кто их возглавит? Все имеющие право на оружие тебе уже присягнули. Гончары долго еще не сунутся.

– Есть и другие жрецы. А оружием могут стать и вилы.

– Ха, напугал! Подавим одним чихом.

– Ты планировал тут рай только для дарэйли? На человеческой крови?

Граднир фыркнул, но задумался, почесал ухо чисто по кошачьи.

И лидеры у бунта будут, – мрачно думал я, с черепашьей скоростью переставляя ноги. Не присягнувшие мне рыцари, это вряд ли. Не сразу, по крайней мере. Может, потому и власть дед не стал отдавать полностью. Но он говорил, что на наших землях резко усилилось влияние храмовиков: люди несли им свои страхи, жалобы и деньги. Каждый дом теперь увешан кучей амулетов. Лучше бы люди лечились от зависти.

А все знают, как ненавидят храмовики Гончаров и их творения, то есть, нас.

И сейчас неведомый то ли упырь, то ли некромант мог стать искрой для огромного, во все княжество, костра.

Все это я понимал, но выхода не видел. Ну, поймает Ринхорт некроманта. Найдется что-нибудь еще, в чем нас обвинить.

Говорят, проблемы надо решать по мере поступления. Ионт Завоеватель с этим не согласился бы: подобные проблемы он решал заранее – так, что они и не возникали.

Вот и мне нужно суметь, или я не князь.

Бабушка ждала меня в кабинете, восседая за столом в большом, похожем на трон кресле с подложенными под спину подушками.

Глядя на нее я понимал, почему дед до сих пор влюблен в эту женщину так, что ему не нужны были никакие иные – ни бескрылые, ни крылатые.

Ее былая невероятная красота просвечивала сквозь сетку морщин на пергаментной коже. Сгуцавшийся в помещении полумрак скрадывал следы времени, оставляя главное: ясный взгляд больших серых глаз с пушистыми, все еще черными ресницами, линии изящно очерченного рта, длинную шею, которую она кутала шальями, и тяжелую корону поседевших волос – она носила ее, как алмазный венец, гордо подняв голову.

Она умирала не от старости. Ее болезнь была неизлечима и мучительна, но она категорично отказалась от помощи Мариэт без объяснения причин. Мол, не хочу, и все тут, «оставьте старуху в покое». И даже дед не мог сломить ее волю. Нам приходилось действовать окольными путями: травяные настои княгиня продолжала пить, и ни у кого не хватило смелости открыть ей, что каждый лекарственный лепесток побывал в руках дарэйли жизни.

В кабинете я еще не был.

Заметив мое замешательство при виде большого квадратного помещения, приличествующего какой-нибудь монастырской библиотеке – с огромными шкафами, забитыми переплетенными в кожу фолиантами и рулонами пергаментов, с картами на стенах – княгиня улыбнулась:

– Мы разделили с Дорантом обязанности: в его ведении войско и оружейни, а в моем – земли и торговля. Более тридцати лет я управляю имуществом князей Энеарелли из этого кабинета, если не считать восьми лет в каземате, но и тогда я не покидала замка. Теперь это твой кабинет, и мне нужно передать все дела, пока я в состоянии.

– Думаю, лучше назначить управляющего, кого-нибудь из сферы Логоса, ему и передашь, – пробормотал я, краснея под ее взглядом.

На шкафы я покосился уже с тоской, а княгиня любовно огладила ладонями толстенную тетрадь на полированной столешнице. Анита уже не носила перстни – они спадывали с исхудавших пальцев. «Фамильное» кольцо матери, возвращенное мной при первой нашей встрече, лежало на пустом столе перед ней.

– Хорошо, – кивнула она. – Правителю нужны министры. Но ты все-таки не отвертись. Есть вещи, которые правящий князь должен знать, чтобы не удивляться потом, куда уходят его деньги, и что таят в себе бесполезные на первый взгляд траты. К примеру, почему князь Дорант содержал одного безумного барона в Нертаиле...

Анита была очень сильной, если выдержала все, что ей выпало на долю, – думал я, пока она рассказывала, то и дело касаясь пальцем кольца на столе.

Этот кусочек небесного металла разрушил ее жизнь, и случилось это в пятидесятилетнем году. Тогда она носила имя Памелы Паулери и была тайной возлюбленной родного брата Ионта, королевича Кларта, и матерью его ребенка. Кларт был слишком умен, чтобы подарить ей кольцо с подобной убийственной надписью. Нет, его кто-то сделал и подбросил во время трапезы в зал. Так, чтобы нашли слуги.

Возможно, улику соорудил сам Ионт, чтобы избавиться от брата, обвинив его в измене. В тот год будущий Завоеватель стал королем Ардонии, задушив отца. Слишком многие знали об убийстве и не хотели видеть его правителем. Надо ли говорить, как он испугался, что младший Кларт, выигравший войну с горцами и приехавший на похороны отца, выбьет из-под брата шатавшийся трон?

– Барон Паулери попал в руки Ионта, – рассказывала княгиня, – и его ум помрачился от пыток. Меня спасла мать, инсценировав мои похороны, но сама покончила с собой, чтобы не выдать. А Кларт вскоре после ареста умер в тюрьме якобы от лихорадки. Он так и не узнал о нашей дочери Сеане. Я не успела показать ему нашу малышку, а писем мы друг другу не писали, слишком велик риск.

– Так моя земная мать – не дочь князя Доранта?

– Он удочерил ее. Когда Ионт захватил наш замок, я надела на нее это кольцо, чтобы Завоеватель пощадил свою племянницу. Но проклятый император сказал, что так даже лучше для ритуала. Если бы я знала, какой ритуал он имел в виду!

Я слотнул осевшую в горле горечь и долго молчал. Мои матери, небесная и земная... Смогу ли я осуществить задуманное ради вас и других?

И какой все-таки ритуал провел Ионт на самом деле? Призвал сущность смерти или самого лунного дьявола?

Княгиня поняла мое молчание по-своему:

– Райтэ, ты не должен считать, что не имеешь права носить имя Энеарелли. Меч Иллинир признал тебя наследником не потому, что Дорант... схитрил, – она улыбнулась так, что я понял, почему за улыбку этой женщины, когда она была юной, и царство отдать не жалко. – Королевский род Ардонцев связан с княжеским родом Энеарелли. Они растут из одного древнего корня, и ты – прямой потомок младшей ветви и наследник князя Доранта по праву земной крови.

– Я – дарэйли, и земная кровь... если она и есть, то слабое эхо. Это тупик для рода. У нас не бывает детей.

Она помолчала, но между бровей пролегла скорбная складка. И улыбка горчила:

– Это плохо, но не так и страшно, внук. Зато дарэйли могут жить очень долго, и наш дом не останется без защитника. У Доранта тоже нет своих детей.

– А как же мой дядя?

– Несчастный Грюнт – мой позор. Он сын... одного насильника, – откинувшись на спинку кресла, женщина прикрыла глаза. – Я вышла за князя беременной. Дорант знал, он усыновил и его, но «хранитель рода» не захотел признать Грюнта наследником Энеарелли.

– Дядю испытывали в младенчестве? – решил проверить я старую догадку.

– Как только родился. О, боже, как малыш визжал, когда внесли меч Иллинир! Словно его резали. Может быть, в тот момент Грюнт и стал безумным.

– Жестоко, – пробормотал я.

Мои вассалы докладывали, что дурачок Грюнт с нашим появлением забился в самую глубокую нору и почти не показывался. Демонов он боялся панически, и за три месяца моего здесь пребывания познакомиться с дядей не удалось. Да мне и не хотелось.

– Дорант клялся, что такого не может быть и никогда не было, и меч лишь проявил врожденный изъян ребенка, – сказала Анита. – Иногда у Грюнта бывают проблески разума, но бывают и приступы безумия. Ты, наверное, заметил, что этот замок неприступен? Импера-

тору Ионту не помогла бы и многолетняя осада, если бы Грюнта не настиг приступ. Мой сын бежал, оставив подземный ход открытым, и на нас напали изнутри. Но он мой сын, и мне его жаль, – вздохнула княгиня. – Я молю всех богов, чтобы Мариэт согласилась излечить его, как она излечила князя, хлебнувшего тьмы Лабиринта.

– Ты поэтому отказалась от ее помощи? Боишься, что ее сил не хватит на двоих?

Княгиня устало улыбнулась:

– Не только поэтому. У даров духов слишком высокие проценты – к ним привыкаешь, и душа человека слабеет. И Дорант, и Грюнт оплатили их дары заранее, а мне Единый дал не только испытания, но и счастье, и любовь двух мужей, лучших из людей, и любовь дочери. А теперь у меня чудесный внук. Мне не жаль умирать. Ты отомстил за нас всех.

– Не я. Мои руки держали тот нож, но не я управлял им. Кто-то, с кем я не мог совладать в тот миг.

Она растерянно моргнула.

– Только не говори мне, Райтэ, что ты страдаешь раздвоением личности.

– Нет, совсем не страдаю. Я привык. Жить не мешает.

Рассмеявшись, княгиня положила морщинистую руку на мою.

– Не пугай меня так больше... А я, старая, могла бы сразу вспомнить, что Иллинир не признал бы сумасшедшего или одержимого бесами.

– И ты это говоришь демону? – воскликнул я, светясь от счастья. Знала бы она, какой груз сняла с души. Лучше уж быть дарэйли смерти, чем воплощением лунного дьявола!

– То обстоятельство, что ты – магическое существо, любимый мой внук, могло даже обрывать «хранителя рода», ведь и он создан величайшим магом прошлого из клинка, похищенного им у владычицы Линнерилла.

Все. Это конец. Привет, лунный дьявол. Для меча ты тоже, можно сказать, родственник.

Видимо, я так побледнел, что бабушка испугалась за мою жизнь и поторопилась закончить беседу:

– У клинка удивительная история, но пусть тебе ее Дорант расскажет. Я позвала тебя, чтобы попросить об услуге. Мне осталось немного, я чувствую. Если моя болезнь станет совсем невыносимой, и я начну сходить с ума, заberi мою жизнь. Легко и тихо. Не обрекай меня на муки. Я достаточно настрадалась в жизни. Ты ведь не откажешь мне, дарэйли смерти?

Я вылетел из кабинета как ошпаренный. Как она могла?! С такой просьбой обращаются к палачу: убей меня быстро. Я не палач, не бездушный топор, не...

А, дьявол! Я – убийца. Охотник на Гончаров.

И ей наверняка известны слухи о других непонятных смертях, сопровождавших мой путь в замок. Может даже верит в мою вину и, как бы ни любила, в глубине души считает меня чудовищем.

И ведь права, не поспоришь. Я нелюдь.

Но как она могла поставить меня перед таким чудовищным выбором? Может, она уже сходит с ума? Надо поговорить с кем-нибудь из сферы Логоса.

Глава 3

Съент нервничал: смеркалось быстро, а он еще не добрался до места, где можно было бы переночевать.

Да еще этот дождь. Скоро ни зги не увидеть, хотя в этих местах и смотреть не на что.

Листья с деревьев облетела уже вся, и леса стояли угрюмые и тусклые, как старая дева в храме Единого. Мелкий морозящий дождь не прекращался уже неделю, осенний воздух превратился в холодную водяную взвесь, проникавшую до исподнего белья, и защитная пропитка ткани плаща не помогала.

Дорогу развезло, и кони, к его непрекращающейся досаде, едва передвигались, с противным чавканьем вытаскивая из грязи разъезжавшиеся копыта.

Съента знобило, а кости в двадцатипятилетнем с виду теле были совсем по-стариковски. Был бы с ним дарэили дождя или воздуха, можно было бы создать прореху в низко висящих тучах и любоваться быстро гаснущим закатом, но теперь «сосуды с дарами духов» – только воспоминание.

У него никого не осталось. Последних рабов, уцелевших после схватки с мальчишкой Райтегором, Гончар передал своим ученикам в Озерной обители. Там нужнее.

Небесные Врата, скрытые в обители, летом разве что не трещали, и жрецы уже всерьез ожидали прорыва, потому Съент и задержался на три месяца, пока все не успокоилось.

Уж не близость ли дарэили смерти так повлияла на активность Линнерилла? Не на помощь ли принцу пытались прорваться лунные твари?

Если так, то Съент сделал все правильно и не жалел о цене. Даже утрата Мариэт – не слишком много за покорность сущности смерти.

Конечно, потерю полусотни рабов и освобождение пленников, вассалов Райтегора, ему не простили, и после случившегося уход Съента с высшего поста выглядел логичным. Какой теперь из него Верховный?

Иерарх Глир, чье предательство так и не удалось доказать, тут же попытался воспользоваться ситуацией, но Съент эти годы зря времени не терял. Молодые Гончары не захотели видеть Глира высшим иерархом. Воспользовались формальным поводом: претендент должен быть знатоком всех пяти открытых сфер. Вот создаст кто-либо из жрецов еще одного дарэили сферы Первоначала, тогда и наденет священный знак Равного из Равных.

А пока Сферикалом будет управлять совет иерархов сфер.

Странно, но все, что сделал Райтегор, эта последняя ошибка императора Ионта и смертельный враг слуг Эйне, в конечном итоге привело к пользе: Сферикал очистился от самых гнусных иерархов, забывших о сути служения.

А теперь, если устранить засевшую у самого сердца занозу – иерарха Глира – может, и удастся воскресить в памяти Гончаров заветы основателей братства. Только так можно восстановить ушедшую из Подлунного мира магию и больше никогда не приносить кровавые жертвы, никогда, – думал Съент.

Только так.

На его груди уже не ощущалась давящая тяжесть круга из небесного металла, на поясе висел простой нож вместо ритуального. Не потому ли ему было легко, как никогда с тех пор, как он стал Гончаром?

Третий раз начать жизнь с нуля – это ли не радость?

В конце концов, уже давно ясно, что методы реконструкции братства сверху исчерпали себя, если только не ввести прямую тиранию и забыть в итоге, ради чего он живет.

Не ради власти, отнюдь.

План преобразований Сферикала он оставил ученикам, и они достроят новое здание. А Съент... теперь его место в самом низу. Его задача – заботиться, чтобы в постройке не было тухлых камней. С помощью дарэйли смерти, способного убивать на расстоянии.

Он никому не сказал, какую сущность почуял в Райтегоре.

И пусть он грозил тогда принцу, что не позволит убивать братьев в Сущем. Но не уточнил, кого он, Съент, может считать воистину братом. Не Глира же, в самом деле, и ему подобных. Вот когда начнут гибнуть исключительно отступники от древних заветов, братья опомнятся.

И никто не заподозрит бывшего Верховного.

Особенно, если пустить слух о карающей деснице бога Эйне. Болезнь Братства зашла слишком далеко, и гнилую плоть надо безжалостно отсекал. А к тому, кто может легко отказаться от власти, она приходит сама, как любящая женщина.

Женщина...

Съент взял с собой только Ханну, поднятую Мариэт почти со смертного одра, и теперь с тревогой прислушивался к ее кашлю в кулачок.

Не сверни путники с пути неделю назад, чтобы, сделав крюк через городок Фратург, повидать Гончаров в тайной обители, то уже грелись бы в тепле у каминов замка Энеарелли. В том случае, конечно, если им окажут теплый прием, на что надежды было мало.

Никаких вестей из замка, куда люди и дарэйли увезли князя Доранта и его внука, так и не донеслось за это время. Гончар ехал в полную неизвестность.

Райтэ мог и опомниться, осознать силу, которой Гончар вовремя – ох, как вовремя, слава Эйне! – подрезал крыло, а старый князь – та еще головная боль! – мог придумать какую-нибудь каверзу.

– Потерпи, Ханна, скоро доедем до Фратурга, будет нам и тепло очага, и горячее молоко с медом.

Взрыв кашля был ему ответом.

Съент так отвык от проявления человеческих слабостей за годы общения только с жрецами и дарэйли, что не сразу заметил признаки простуды у терпеливой Щепки, и теперь чувствовал бессильную растерянность. У него уже нет под рукой волшебной Мариэт. Разве что впитанное за годы эхо ее сущности.

Он посадил Щепку на седло перед собой и продолжил путь, удерживая одной рукой поводья двух лошадей, а другой – прижимая к себе пылающее жаром женское тело. Тоже давно забытое ощущение.

Кончики пальцев слегка покалывало: заимствованная у дарэйли сила жизни неохотно уходила к чужому существу. Он знал, что, чем больше отдаст, тем быстрее вернется его естественное, должествующее возрасту состояние тела и здоровья, и он стремительно состарится. Но Гончар, годами щедро черпавший из «сосудов», не привык экономить. Лет на десять его еще хватит даже теперь, Съент не сомневался.

– Ханна, ты решила ехать со мной до самого замка? Ни одно село по пути тебе не понравилось, даже ни один город. Почему? Надо решиться начать новую жизнь. По моей записке тебе дадут золото в любой нашей обители, хватит обустроиться.

Щепка покраснела.

– Не надо мне вашего демонского золота. Хватит уже, получила один раз, и что вышло? Плохо все вышло. И я обещала Мариэт присмотреть за вами, если с ней что-нибудь случится.

– С Мариэт как раз ничего не случилось, кроме хорошего. Она теперь свободна.

И это его весьма тревожило. Ведь он понял, что его дарэйли не принесла клятвы Райтегору, и он знал, что свобода от всего – убийственна для «сосудов духа». Одна надежда: тысячелетия, пережитые Потерянной, многому научили его девочку, укрепили ее дух, и свобода не обернется против ее разума.

– И вас она уже слушать не станет, сьерр? – выдавила Щепка сквозь кашель. – И в Озерную обитель не вернется?

– Нет. Уверен, что не вернется.

– Тогда кто поможет Ллуфу?

Сьент помрачнел.

То, что произошло перед самым его отъездом, поразило и, что там скрывать, напугало Гончара. Ллуф разыскал его у ручья в рощице под стенами Озерной обители, где Сьент наполнял походную флягу целебной водой, над которой поработали хранительницы вод.

Это уже должно было насторожить: раб отлучился без приказа хозяина, чтобы напомнить об опрометчивом обещании, о котором разжалованный Верховный уже забыл. А ведь было, было. Обещал он оградить прекрасного дарэйли камня от других жрецов, если юноша сумеет превзойти всех в своем круге и научится применять силу на расстоянии, проще говоря, убивать взглядом.

И Ллуф продемонстрировал. Просто чуть пристальнее взглянул на густую ветку плакучего дерева, нависавшую над ручьем. Она побелела и обломилась, раскрошившись от удара. Мраморные обломки завалили русло, и ручей начал разливаться.

– Могу и живых существ, – скромно потупился Ллуф, обрадованный искренним восхищением Сьента. И, стремительно присев, тут же поднялся и протянул Гончару ладонь с крохотной белой крупинкой, в которой Сьент с изумлением опознал муравья, окаменевшего со всеми ножками и усиками. Миг, и тончайшие ножки не выдержали веса потяжелевшего тельца и подлоломились.

– Да, ты меня удивил, дарэйли. Ты действительно уникален. Глир знает? – спросил Гончар, осознав, какое чудовищное оружие оказалось в руках его врага.

– Нет, я не стал говорить, – Ллуф подчеркнуто брезгливо отряхнул ладони, выразив жестом свое отношение к новому хозяину. Неудивительно, впрочем. Глира все ненавидели.

Однако, еще одно отклонение: раб обязан докладывать своему жрецу обо всем, что касается его дара. Конечно, Глир, как Гончар сферы Элементов, мог бы почувствовать изменение силы своего дарэйли, но Глир являлся иерархом сферы Логоса, и круг камня был лишь сопутствующим искусством, которым он овладел не столь глубоко. К тому же, Ллуф – не его создание, выстраданное жертвами и молитвами, он достался ему по решению Сьента и одобрению Сферикала. И сейчас Гончар весьма жалел о своем опрометчивом решении, продиктованном ревностью. Да, именно ревностью, не стоит скрывать грех от самого себя.

– Теперь вы меня возьмете к себе? – сапфировые глаза юноши блеснули: он был горд и полон надежды. – Вы всегда выполняли обещания, даже данные рабу.

– Я помню о своем обещании, Ллуф, но я уже не Верховный Гончар, – с досадой ответил Сьент. – Просить тебя у Сферикала – это новая задержка. И ты знаешь, что я передал всех своих дарэйли и иду один. Если меня плохо встретят, так хоть никто больше не пострадает.

– Я не боюсь смерти, сьерр, и могу быть вам полезен. Теперь я сумею взглядом остановить даже поток воды, я тренировался.

– Не надо! – удержал его Гончар, еще не наполнивший флягу для Щепки. – Эта вода слишком хороша для того, чтобы превращать ее в мертвый камень.

Дарэйли улыбнулся, и его красота осветилась новыми гранями, заиграла, как алмаз на солнце. Хорош. И несчастен, как все рабы.

Досада Сьента внезапно перешла в раздражение, и его ум тут же вычислил глубинную причину: Мариэт. Ллуф напрашивается к нему ради нее, только ради нее.

– Нет, дарэйли. Я не стану откладывать из-за тебя поездку. Хочешь – жди, когда я вернусь, если вернусь. Жди, когда соберется очередной сферикал, хотя у них нет причин забирать тебя у Глира по моему капризу. Я все равно не взял бы тебя в замок Энеарелли. Там Мариэт.

Она сейчас свободна и, если вы все-таки станете дарэйлинами... Такая связь очень глубока, и через тебя Мариэт попадет под власть твоего хозяина. Ты хочешь, чтобы она снова стала рабыней?

Ллуф побледнел, как обломки окаменевшей ивы, уже запрудившие ручей так, что образовалось крохотное озеро.

– Я понял, – тихо сказал он. – Но к иерарху Глиру я не вернусь. Усыпите меня, вы же можете. Вы умеете накладывать такое смертное заклятие, что никто, кроме вас, не снимет. Пусть вы сейчас не Верховный, но ваше мастерство никуда не делось.

– Это будет тягчайшее нарушение устава, после которого меня с полным правом изгонят из Сферикала и уничтожат. Чужие дарэйли неприкосновенны.

– Что ж... Я подожду, когда вы вернетесь и выполните обещание, – юноша отвел глаза, и слуга Эйне не успел разгадать его намерений и остановить. Опустившись у разлившегося ручья, Ллуф глянул на свое отражение так же, как смотрел на ветку плакучего дерева, чуть улыбнулся и оцепенел, словно на него наложили смертное заклятие. Но это не было заклятием: его жрец легко бы снял, а вот оживить камень было не в силах Съента.

– Что же ты наделал, мальчик, и как сумел обойти изначальные заклинания? – содрогнулся Гончар, дотронувшись до холодного мраморного лба дарэйли.

Ллуф выглядел так, словно любовался своей удивительной красотой, отразившейся в водах, и окаменел, не в силах оторваться. Но Съент мог бы поклясться: последняя мысль юноши была о Мариэт.

Это воспоминание мучило Гончара мрачными предчувствиями, и дело не в том, что Глир потом брызгал слюной и обвинял бывшего Верховного в преступном посягновении на чужого дарэйли – деяние, наказуемое полным лишением духовных благ и изгнанием из рядов братства, – а в том, что Съент понял, как Ллуф добился такой силы дара, что сломал даже изначальный запрет.

Дарэйли не мог обратить свой дар против себя без приказа Гончара. Только соприкосновение с Райтегором, с убийственной сущностью смерти, могло дать такую силу Ллуфу.

Что же тогда ожидать от полусотни существ, ушедших в замок князя?

Скоро он увидит все сам, но Щепку туда везти нельзя.

– В замок я тебя не возьму, Ханна, – сказал Съент, почувствовав, что девушка, прикормившая, положив ему голову на плечо, проснулась. – Там могут быть неприятные сюрпризы. Потому поищем тебе лекаря во Фратурге, и ты пока останешься там, понравится тебе этот городок, или нет.

– Сьерр, вы, конечно, можете прогнать меня, и будете правы: сейчас я только обуза. Но я ведь все равно пойду за вами в замок, как только смогу. Я никакой работы не боюсь, попрошусь к князю в служанки, да хоть на кухню, помои выносить.

– Разве для этого я столько времени учил тебя грамоте и арифметике, читал тебе книги? – возмутился Гончар. – Да ты сама уже умеешь читать и писать! Ты очень быстро учишься, и надо учиться дальше.

– Вы очень добры ко мне, сьерр. Но где мне учиться? В школы при молельнях Единому берут только мальчиков. Да и куда я с этой грамотой? Свиньям на скотном дворе книги читать?

– Да хотя бы самой лавку открыть в городе, не зависеть ни от кого. У тебя получится.

– Нет, сьерр, – совсем загрустила Щепка, размазав слезинку по щеке, горевшей лихорадочным румянцем. – Ни в одну гильдию, даже торговую, женщин не принимают, а без гильдии лавку не открыть, нам дозволено только место на базаре. Не выдержать мне этого. После всех чудес, что я видела, после целого лета рядом с вами, среди демонов. Мне заказана дорога назад, в обычную жизнь. С тоски помру. И я уже порченная, меня и замуж никто не возьмет. Да и мне... никто мне ненужен после...

Она замолчала, закашлявшись. – Знаю, ты со мной поехала, потому что Ринхорт в замке, – улыбнулся Гончар. – Но и ты знаешь, Ханна, что любовь темного дарэйли, даже если у него нет клыков Шойны, – всегда яд для простого человека. Они могут любить на равных только таких же дарэйли. Твое влечение плохо кончится, если не научишься защищаться.

– А я не хочу защищаться. Могу же я просто быть поблизости, издали на него смотреть?

– И тосковать еще сильнее, и чахнуть. Это ненасытная тоска, ее ничем не утолить, даже близостью. Она пожирает, и чем ближе к любимому, тем быстрее. Император Ионт был женат на демонице и зачах за год. Темные дарэйли созданы разрушителями, они не виноваты в том, что любовь к ним убивает любящих.

– Вот, видите, сьерр, мне уже ничто не поможет, так уж поскорее бы отмучиться.

– Почему ничто? Спасение в любви, Ханна, в обычной любви к обычному человеку. Это лучшее лекарство на все времена против всех демонов.

Запрокинутое к собеседнику лицо девушки было мокрым то ли от дождя, то ли от слез, а взгляд блестящих серых глаз так доверчив и незащищен, что Съент неожиданно почувствовал волну нежности к этому беспомощному существу.

«Ты становишься просто человеком, Гончар? Или не способен устоять перед сероглазыми девушками? Ты дал обет!»

Но не эта мысль стала для Съента ушатом ледяной воды, заставила сделать равнодушное лицо и сосредоточиться на дороге, а появившаяся в глазах конопатой служанки покорность, когда он склонился к ней чуть ниже, чем подобало.

Он отпрянул. Нет, никаких поцелуев. Никаких, даже лечебных антидемонических.

Глава 4

Признаки близкого человеческого жилья показались за поворотом дороги: городской погост с часовенкой Единого. Люди всегда устраивают кладбища неподалеку от жилищ. Значит, скоро и город.

К этому времени дождь приутих, в тучах появились прорехи. Последние проблески света вырвали из сумрака часовню – двускатную медную крышу, высоченный восьмигранный перст с бронзовыми прожилками, воткнутый в низкие тучи. Гончара, прикоснувшегося к тайнам бога Сущего, давно не удивляли особенности архитектуры этих храмов. У каждой армии свое оружие и свои щиты. Если бы только воины веры не обращали его против своего мира, если бы только...

Гончар проехал бы мимо, но к ногам бросился яростно лающий пес. До того верткий, что объехать его оказалось невозможным.

Кони пятились, пытались лягнуть помеху, и всадники едва держались в седле, а крупный серый кобель с обрубленным хвостом порхал по грязи, как бабочка, почти не оставляя следов.

Дверь поминальни открылась, и раздался зычный, но со стариковским дребезжанием, зов:

– Серко! Ко мне!

Пес, как не слышал – залился еще более свирепым лаем с подвываниями. Пришлось седовласому сторожу выйти под изморось и пригрозить посохом негодной псине.

– Ступай домой, отродье бесовское!

Едва увидев смотрителя кладбища в когда-то черной, а теперь рыжеватой от старости заштопанной сутане низшего служителя Единого, Съент расплылся в улыбке:

– Кейен! Вот уж кого не ожидал увидеть! И давно ты тут в кладбищенских сторожах, благой паттер?

Старик опустил посох.

– Да скоро уж три месяца помощником у поминальщика тутошнего. Паттерат поручил мне ждать, когда старый князь Энеарелли официально объявит внука хранителем клятого договора Трех миров, да наследник-то сильно нездоров. Ты слазь с коня-то, слазь. Теперь уж мимо не проедешь, не дам. Куда на ночь-то глядя? Да и девочка твоя больна, как погляжу. Сам Верховный Гончар, честь-то какая!

– Я уже три месяца не Верховный, и не говори мне, что ты не слышал о переменах в стане соперников.

Старик усмехнулся:

– Слышал, как не слышать. Да какие мы-то с тобой соперники, Съент?! Да и как был ты Верховным, так и остался, даром что на тебе железяки вашей дурной нет. Кто у них еще вместо тебя?

– Никто пока. Место вакантное, можешь попроситься.

Оба рассмеялись.

Тем временем слуга бога Единого помог слуге бога Эйне снять с седла полуобморочную Ханну и завел гостей в сторожку позади поминальни, где уже кипела вода в котелке, пахло распаренными травами, а на столе из грубых досок стояли три кружки.

Гончар улыбнулся:

– Ждал нас, как посмотрю.

– Ждал, – не стал скрывать очевидное старик, усадил девушку на топчан поближе к очагу.

– Птицы напели? Не зря о тебе странные слухи ходят, Кейен. Говорят, совсем святым стал.

Кладбищенский смотритель смущенно почесал нос, качнул седой головой.

– Да какой из меня святой, с моими-то грехами? Скажешь тоже. Вон, блохастый Серко святей меня будет. Гонец из Тихого Яра у меня был. Просил я его давеча сообщить, если к ним завернете на ночлег. За тобой ведь от Озерной обители, почитай, смотрят.

– То-то я ни одного разбойника в лесах не встретил. Чисто работают слуги Единого.

– Не Единого, иначе ты бы и шага в одиночку не ступил, знаешь ведь, как наши преблагие и всеблагие тебя «любят». Нет, это поработала чистая благодарность человеческая. Я же все-таки корыстен оказался, – вздохнул смотритель. – Беру-таки свою плату за исцеление. Хоть таким вот образом, но беру.

– А с меня что возьмешь?

– Да сущие пустяки, от тебя не убудет, – отмахнулся целитель, выставляя на дощатый стол нехитрую, но зато горячую еду. Налил приготовленное зелье в кружку и протянул Ханне. Через несколько минут девушка крепко спала.

Серый пес, заскочив на топчан, свернулся у нее в ногах, а старые знакомцы завели совсем другой разговор на языке слуг Сущего. – Значит, правдивые слухи о тебе ходят, благой Кейен, – задумчиво посмотрев на пса, сказал Съент. – Ты все-таки допытался до истины, нашел способ вернуть в наш мир магию, не такой варварский, как Гончары.

Старик вздохнул:

– Если бы! Без умерщвления плоти и изничуждения духа и этот путь не обходится. «Блаженны нищие духом» – это надо буквально понимать. Не должно быть в теле своего духа для того, чтобы вошел иной. Да ты же все знаешь, кому я объясняю. Наша духовная практика так и называется – «стяжание духа». Да только и паттеры не дураки, понимают, что на самом-то деле толку нет и не будет, как ни тщишься. Все мы – продырявленные «сосуды», и молитвой этот изъян не заклеишь.

Съент чуть улыбнулся:

– Дружище Кейен, твоя скромность делает тебе честь, но твои речи и твоя слава святого противоречат друг другу. Не находишь?

– Наговор! – привычно отмахнулся целитель. – Да ты ведь сам небось догадался, что к чему. С твоей работой разницы мало. Вся разница, что я животных бессловесных пытаю чуждой силой, а не людей, и неизвестно, что гаже. Зверушки-то – беззащитные совсем, а мука у них – как у любого живого существа, – Кейен горестно свел лохматые брови и сцепил крепкие ладони, опустив в них морщинистый лоб. Продолжил глухо: – Теперь ты понимаешь, почему не могу я слышать это слово: благой. А пуще всего душа корчится, когда говорят – святой... Кошунство это... На кладбищах свидетелей нет, а то бы меня не целителем люди нарекли, а хуже, чем вашего брата Гончара. Вурдалаком каким-нибудь.

– Не хочешь ли ты сказать, что используешь мертвецов?

– Пытался, чтобы живых не мучить, чего там скрывать, – поднял голову старик. – Да с ними совсем не заладилось. Живое тело надобно для сосуда, как ни крути. Птички там всякие – это, конечно, совсем кроха силы. Я зверушкам больше одной задачи не поручаю, берегу их. Сгорают они куда быстрее, чем ваши эйнеры.

Гончар помолчал, вздохнул:

– Жаль, я надеялся, хотя бы этот путь чист.

– Откуда чистоте-то взяться? В нашем мире ничто не чисто. Все через смерть и прах.

Съент вздрогнул, вспомнив о дарэйли смерти, оставленном без присмотра. Договор договором, но выпускать его не следовало. Но что он мог сделать тогда, оставшись один в том поле? Впрочем, если бы мальчишка или его вассалы чего-нибудь натворили за эти три месяца, об этом Сферикал уже знал бы.

И все же полное отсутствие слухов настораживало.

Смотритель подогрел остывший настой трав, поданный к столу вместо чая, и Гончар с благодарностью принял дымящийся напиток.

– А просьбу мою не забыл, Кейен?

– Которую? У тебя, что ни год, все просьба, одна похлеще другой. Придумал же мне работу – кладбища объезжать по всем землям! Знали бы мои братья по вере, с чего это я на себя такую епитимью наложил.

– Главную просьбу.

– Не забыл, как можно.

Целитель подхватил сутану, опустился, крикнув, на колени перед ларем, на котором только что сидел и, откинув крышку, начал вытаскивать молитвенники и свитки, внимательно просматривая каждый фолиант. И Съент подумал, что скоро сам станет таким же дряхлым и немощным, так же будет держаться за поясицу и шаркать ногами. С Кейеном они были ровесниками.

Хватит ли сил на десять лет?

Хватит ли воли подчинить Райтегора?

– Куда ж я ее сунул? – хмурился смотритель. – Все ведь разметил, как ты просил. Кружочками – особо укрепленные монастыри вокруг наших Врат, ну это-то для Гончаров никогда секретом не было. Да где ж она? Мыши, что ли, погрызли? – захлопнув ларь, старик вытащил из-под топчана еще один и повторил процедуру. – Память-то подводить начала... Смещение Врат братья-паттеры утаили, ты верно догадался. У всех наших шести оно есть, где больше, где меньше.

– Шести? Под дворцом в Нертаиле оказался вход в Линнерилл, как мы и подозревали, а теперь это точно известно. Если Небесные Врата симметричны, а все летописи говорят, что так и есть, то где-то должны быть седьмые в Эстаарх.

– Знаем, ищем, уже давно ищем. Легенды и летописи заново рою, но пока ничего не откопали из могилы времени. Пять тысяч лет – не пять дней, забыто все. Может, они под озером каким оказались, потому и следов нет. А известные шесть – все словно к одному центру повернулись и сдвинулись.

– К Нертаилу?

– Кабы! Туда они в начале лета были повернуты. Потому я и понял, где мне надо быть непременно, дабы не пропустить чего важного. И не пропустил мальчонку-то вашего беглого.

– Принца Райтегора? – догадался Съент. – Так вот почему мы не нашли того кладбищенского сторожа! Это был ты! И что ты скажешь об этом дарёйли?

– Я же не Гончар, в ваших «сосудах духа» не разбираюсь, – увернулся старик от ответа, кинув взгляд из-под косматых бровей на раскрасневшееся от горячего напитка лицо Съента. При этом он не переставал перебирать книги, с особым тщанием прощупывая корешки. Наконец, вытащил из толстого фолианта небольшой потрепанный рулончик. – Вот, нашел! Раз уж прежде назначенного срока свиделись, отдам-ка я тебе ее сейчас. Квадратами отмечены осмотренные кладбища, в двойной рамке – те, что мне не понравились.

– Почему?

Старик пожал плечами:

– Не благостны они, и все тут. Крестами показаны те, где есть могилы Потерянных. Я рассудил: ежели нетленные останки не признаны святыми мощами, то это – ваши детища. Мощи, кстати, тоже отметил двойным крестом на всякий случай. Знаю я, как Гончары в старину любили подшутить над слугами Единого, да светлого хранителя нам подсунуть.

Съент не удержался от смеха: у Гончаров до сих пор считалось особым шиком подкинуть храмовикам даже не светлого, а темного дарёйли в братья. Знал бы Кейен, скольких «демонов» храмы признали святыми за их «чудеса»! Беда в том, что хозяин-жрец не всегда успевал тихо изъять «покойного» раба, особенно, когда начались гонения на культ Эйне, и Гончарам-одиночкам досталось в первую очередь.

Смотритель покосился на развеселившегося гостя с подозрением, протянул свиток, проворчав:

– Бесы вы, Съент, как есть бесы! Вот я и думаю: кто теперь разберет, кому мы на самом деле молебны свершаем до сих пор. Ладно, ты мне лучше и не открывай, не смущай душу... На карте кружочками – Врата, значит. В жизнь не догадаешься, куда они теперь повернуты.

– Если не к Нертаилу, то к замку князей Энеарелли.

– Угадал, – разочарованно вздохнул старик. – Там стрелками червлеными показано, а поверх циферками – расстояние смещения. И нам это все очень не нравится.

Съент развернул замызганный пергамент, удивленно вскинул брови:

– Так много Потерянных?

– Это я еще не все древние могильники да склепы объездил – невозможно это одному, все-то. А сколько еще помимо них разбросано по миру! И доверять никому не могу. И, да, помню еще твою давнюю просьбу. Ты больше не спрашивал, но я везде смотрел и это. Имя Памелы Паулери мне не встречалось.

– Да это уже неважно. Даже если у нее был ребенок, Ионт наверняка нашел его раньше нас, и устранил. Империя все равно уже не поднять, – уронив карту на колени и подперев ладонью подбородок, Гончар задумался. – Не понимаю, почему ваши Врата так же активно, как наши, среагировали на появление дарэйли смерти.

– Кого?

– Принца Райтегора.

– Это его сущность? Ты уверен?

Съент не видел его улыбки: старик, отвернувшись, нарезал ломтики хлеба и сыра, заметив, что девушка заворочалась на топчане, а проснется она здоровой и голодной.

– Можно не сомневаться, Кейен. Исходя из всего, что я слышал о Райтэ и что видел своими глазами – именно эта запретная сущность. Кто еще может с такой легкостью брать жизнь Гончара и снимать «смертное заклятие» с рабов? Кто может одним глотком выпить сотни жизней, как в том селе, где он убил Авьела? Кроме того, я поднял записи древних. Оружие у дарэйли смерти выглядело именно так, как кривой меч принца, и крыло силы именно такое – перья мрака.

– Что, и очи огненные? У смерти-то? – хмыкнул смотритель. – Он на железного этого с перепугу полез, так я думал – расплавится несчастный демон от одного только взгляда.

– Огненные? Ничего особенного не заметил. У всех дарэйли глаза в темноте светятся. Еще один меч у него был, правда. Огненный...

Съент задумался. Не мог он ошибиться, никак не мог. Сущность смерти он явственно ощутил.

Кейен понял его задумчивость по-своему, кивнул с улыбкой:

– Вот-вот, несуразности-то есть. А еще колечко видел я одно, какого не могло у него быть... – старик отложил нож и прямо посмотрел в глаза гостя, ставшие пронзительными, как острые льдинки. – Ты спрашивал о цене, друг. Верни себя, спаси свою душу и не угробь мальчонку – вот и все, о чем я тебя попрошу.

– И это ты называешь сущими пустяками? – криво усмехнулся Съент. – О моей душе мы с тобой закончили разговор тридцать лет назад раз и навсегда. А вот какой интерес у слуг Единого к дарэйли смерти?

– Вы охраняете врата Линнерилла, мы – врата Эстаарха, и их указание однозначно. То, что происходит в Подлунном мире, они считают угрозой для себя.

– И что предлагает Всеблаженный Паттеран? Ты ведь от его имени сейчас говоришь, Кейен?

– От его. Паттеран подозревает, что Райтегор стал вассалом Линнерилла. Нужно вернуть его им, пока Эстаарх не счел его пребывание здесь нарушением договора Трех миров. Ты же наверняка понял, что принца обучали магии лунных.

– Еще бы. Всеблаженнейший думает, что археты могут придаться?

– Этот клятый договор миров дает Эстаарху формальный повод считать Райтегора магом линнери, раз он применяет их магию, и придти с разборками. Сам-то Линнерилл, разумеется, откажется от любой связи с мальчонкой и тоже прорвется. И эту бойню нам уже не остановить, как в древности, даже если мы сумеем объединить наши молитвы, что невозможно. Нет уже у людей таких сил. Высшие сотрут наш мир.

Сьент оценил сказанное в полной мере.

Они живы, пока нейтральны, пока равно ублажают обе стороны. Гончары – своими жертвоприношениями, храмовики – своими. Нет уже магов прошлого, некому защитить, не на что надеяться, когда твой мир – всего лишь буфер между двумя другими, неизмеримо большими и сильными, смертная граница между двумя бессмертными.

Всего лишь граница, а не полноценный мир.

Но, дьявол подери этого мальчишку и его свихнувшегося создателя Ионта, как засунуть беглеца обратно в Линнерилл?

– Я полагал, Кейен, что интрига линнери куда тоньше, и они воспользовались земным родством Райтэ с родом Энеарелли. Думал, что его задача подменить договор Трех миров, но провокация, как вижу, создавалась сразу по нескольким направлениям.

Смотритель, запихнув фолианты в ларь, закрыл крышку, сел, облокотившись о стол.

– Подменить договор? – переспросил он. – Да, это в духе лунных тварей и тоже может спровоцировать Эстаарх. Ты предупредил Доранта, чтобы пока не открывал мальчишке подлинник?

– Да, но старый князь ничего не обещал, а теперь Райтегор – правящий князь Энеарелли и, следовательно, хранитель договора. Но я взял с принца такую клятву, что магией линнери он пользоваться здесь не сможет без моего разрешения, а подмену не совершить без заклинаний Лунного мира. Мне казалось, я все предусмотрел.

– Кроме того, что ради утоления собственного любопытства и тщеславия ты будешь десять лет искушать судьбу.

Сьент спрятал смущение за глотком настоя из чаши.

– Согласен, риск неоправданный, – сказал он, решив, что так и не вычислил всех соглядатаев от храмовиков в Сферикале. – Передай Всеблаженнейшему, я последую его совету. Запру принца в Лабиринте Нертаиля, а дорогу к Вратам он найдет сам, ему деваться некуда будет.

– Подожди пока, – смягчился старец. – Я передал тебе официальное мнение всего паттерства. А как друг скажу тебе, что принца еще рано возвращать. По крайней мере, не в Линнерилл.

Сьент едва не выронил чашку с настоем: такое решительное несогласие с клерикалами скромный паттер демонстрировал перед ним впервые, хотя и водились за ним более экспрессивные поступки. Взять хотя бы историю его бегства из монастыря и даже, как доносились слухи, отлучения.

– Почему, Кейен?

– Ты ошибаешься насчет сущности Райтегора.

– А говоришь, не разбираешься в наших демонах, – прищурился Гончар. – Почему ты так считаешь?

– Потому что ты забыл о лунном дьяволе.

– Наоборот, я о нем очень хорошо помню. Кстати, ты знаешь, Глир старательно распускает слухи, что я – дьяволопоклонник?

– Надо же. А я думал, что с князем Тьмы договорился Ионт.

– Он меня опередил, – по-мальчишески засмеялся Съент. – Но Сферикал не оставил ему никаких шансов. Сделку он заключил, но выполнить не смог: я вовремя узнал и сообщил Гончарам. Все, что он мог – призвать сущность смерти, когда стал жрецом, и мстить. Иначе шлейф загадочных и массовых смертей, тянувшихся за Райтегором, необъясним.

– То-то и оно, – кивнул старик. – Необъясним. Друг мой, я обязан открыть тебе одну тайну...

– О, это я люблю! – Гончар потер руки в предвкушении. – От имени Всеблаженнейшего?

– Нет, чисто по-дружески, – вздохнул святой Кейен. – Ионт уже будучи императором приходил в лоно паттерата, каялся в грехах, отрекался от дьявольского культа и просил защиты и покровительства Единого. И получил.

– Рад за его душу, – пробормотал Съент с отвращением. – А это ничего, что он потом стал Гончаром?

– Он уже был Гончаром и хотел исправить содеянное.

Это действительно было откровение.

Потрясенный Съент онемел на минуту, потом воскликнул:

– Ты сказал – исправить?! Кейен, надеюсь, это не то, что мы обязаны были предотвратить?

Его громкий голос разбудил Ханну. Девушка зевнула и, протерев глаза, с несвойственной ей жадностью уставилась на стол со снедью. Разговор пришлось отложить: Гончар опасался, что Щепка, поневоле оказавшаяся в гуще жизни Сферикала, уже начала немного понимать язык жрецов.

Пока она ела, Съент, поглядывая на старого друга, не подавшего ни единого знака, чтобы подтвердить или опровергнуть его опасения, терялся в догадках и мрачнел с каждой минутой.

Когда Ханна, насытившись, снова задремала, он сделал еще попытку, но вредный старикашка, устраивая еще пару спальных мест из копны сена и двух древних тулугов, болтал о чем угодно, кроме действительно важного.

Благой паттер отсоветовал идти через город, сказав, что обитель местных Гончаров все равно в запустении: как только в замке появился Райтегор, жрецы бежали за пределы княжества, испугавшись за свои жизни, и увели рабов.

– Теперь ясно, почему никаких известий о замке Сферикал не получал. Труссы! – сквозь зубы выругался Съент.

– Я покажу вам объездной путь, – предложил старец. – Так даже короче будет, быстрее до замка доберетесь, а я заодно еще одну поминальную проведу.

– Кейен, мне необходима официальная встреча с вашим Паттераном.

– Что ты! – всплеснул ладонями целитель. – Исключено! Ты же знаешь, Всеблаженнейший не дает аудиенций никому, кроме семи высших чинов нашего паттерства, да и те месяцами ждут.

– Даже тебя, почитаемого при жизни святого, не примет? – с иронией прищурился Гончар.

– Меня тем более затруднительно, – потупился Кейен. – Да и как? Сам посуди. Резиденции у Всеблаженнейшего нет по уставу, никто, кроме семи избранных, ни имени его не знает, ни лица, ни местонахождения. Ты передай свое дело любому паттеру, хоть мне. Так оно и происходит. Любая весть клерикалам уйдет, те выше по чину доложат и ответ принесут. Так и живем, близко к вечности.

– Всегда удивлялся этим странностям в вашем уставе, – проворчал Съент. – Какие возможности для интриг, переворотов и самозванства! А случись катастрофа, когда решения надо принимать мгновенно? Ладно, обойдусь без встречи. Да и существует ли он, этот ваш безликий и безымянный Всеблаженнейший?

– А как же. Существует. В точности так же, как сейчас живет и здравствует Верховный Гончар Востока, – с тонкой ехидцей улыбнулся старик.

Съент не нашелся, что ответить. Сана он лишен, даже знак снял, от рабов избавился, но что это изменило? Он стал только сильнее.

Глава 5

Граднир поджидал меня у выхода из покоев княгини, но я гневно зыркнул на него и прогнал. Сам найду дорогу. Мне никого не хотелось видеть, ни с кем не хотелось говорить: боялся, что сорвусь. Начну косить всех подряд.

Конечно, чужак, не знающий наизусть хитрую систему переходов замка, обречен здесь заблудиться. Что и произошло. Жаль, план я не успел перерисовать, теперь бы пригодился.

Уставший, как собака, я нарезал не один виток по этажам и крыльям замка, умудрившись ни разу не повториться, судя по разнообразию лиц молчаливых стражников, бледневших при моем появлении. Можно было спросить у них правильный путь к моим покоям, но я же сказал Градниру, что и без провожатых обойдусь, вот и приходилось обходиться.

Солнце давно село, в замке становилось темно. Светили только звезды, изредка заглядывавшие в бойницы, и кое-где факелы, но темнота не мешала: все дарёйли хорошо видят ночью, и тут я не исключение.

То ли над последним лекарством от Дейи тоже Мариэт колдовала, то ли Съент был совсем близок (я даже прислушался: не прозвучит ли особый сигнал от главных ворот), то ли Тьма, воцарившаяся в замке, вдохнула в меня силы, но я вполне стоял на ногах и даже куда-то брел. Сам поражался своей активности.

Потом куда-то подевались и стражники. Последнего я заметил у входа в подземелье.

– Что там? – спросил я, сам удивившись своему хриплому голосу.

– Старые казематы, ваша светлость. Они пусты.

– Зачем тогда их охранять? Опечатать недостаточно?

– Да это... – парень, мой ровесник на вид и такой же черноволосый, смутился. – Чтобы княжич Грюнт не бродил, где попало. Любит он в подземельях прятаться, да и, почитай, к любому замку ключ найдет или ломает. Силой-то его бог не обидел. Вот и смотрим.

– Открой.

Стражник загремел ключами, отпирая ржавые от старости замки.

Я спустился в подземелье. Запахло сыростью и затхлостью, но везде было чисто, даже паутина не мохнатила по углам, только иногда какие-то катыши, похожие на засохший крысиный помет, хрустели под подошвой сапог.

Самый обычный каземат, если не считать того, что на толстых прутьях решеток и цепях – ни следа ржавчины. Что за узники были у князей Энеарелли, если их мог удержать только небесный металл?

Я уже хотел вернуться, но заметил тонкую трещину в стене одного из помещений, где, по всей видимости, когда-то располагалась караульня, если судить по пустым стойкам для оружия и столу из мореного дуба с двумя скамьями. У меня был большой опыт путешествия по Лабиринту с такими трещинами, означавшими стык подвижной плиты. Если ход не скрывали от своих, значит, и ключ должен быть рядом.

С час я провозился, нажимая на любой выступ в стенах, который мог оказаться рычагом. Он нашелся поблизости от стола, чтобы даже сонный стражник во время отдыха мог протянуть руку и открыть или закрыть ход.

За каменной плитой, со скрежетом ушедшей в стену, оказалась узкая винтовая лестница, и вела она очень глубоко. У меня даже голова закружилась от бесконечных витков.

Внизу находилось два карцера, вкруговую обитых массивными листами из непонятного сплава, и мне подумалось, что из такого места не вырвался бы даже Ринхорт.

Едва я повернул обратно к лестнице, сверху долетел глухой звук, похожий на скрежет задвигавшейся плиты. Наверх я взлетел со всей возможной скоростью, но мог лишь биться головой о камень.

Меня заперли, или плита в целях безопасности сама вставала на место через какое-то время?

Во дворце Нертаиля были такие хитрые механизмы: система противовесов по типу маятника приходила в действие после открытия двери и запирала ее уже без участия человека. Очень удобно, когда некому закрыть дверь за беглецом.

Осмотр стен привел к неутешительному выводу: либо рычаг спрятан на совесть, либо блок можно было отодвинуть только из караульни. Что ж, остается надеяться, что стражник, охранявший каземат, забудет тревогу через какое-то время.

Но тут каменная ступень под ногами дрогнула, и поползла в бок, втягиваясь в стену. Лестница вся пришла в движение, исчезая на глазах, и я ринулся вниз, понимая, что не успею спуститься. Последние сажени я падал и больно ударился о дно колодца.

Но и это было не все.

Потолок начал быстро опускаться, обламывая торчавшие кончики утопленных в стены ступеней: не все ушли до конца, что говорило о скопившейся в пазах пыли.

Значит, механизмом не пользовались очень давно, и вряд ли он приводился в движение самопроизвольно, как в Нертаильском дворце.

Следовательно, его кто-то запустил. Кто-то хотел раздавить меня в этой ловушке, и заподозрить в измене я мог только людей из княжеской свиты: далеко не всем пришлось по нраву, что в замке хозяйничает «демон».

Уже чувствуя холод летевшей вниз каменной плиты, я перекатился в проем ближайшего карцера. Пресс с гулом упал, закупорив выход намертво. Даже щели сверху не осталось.

Происшествие до жути напомнило мне падение в колодец Лабиринта десять лет назад, до мурашек по спине. Особенно под левой лопаткой.

Я поднялся на четвереньки, и в глаза тут же бросилась еще одна странность: перстень князей Энеарелли на пальце мерцал тусклыми золотистыми искрами, ясно обозначилась шести-лучевая звезда с двумя кольцами в центре и хаотичной паутиной между лучами.

В глазах расплывался багровый туман, но, оглядевшись, я уловил еще один золотистый отсвет. На металлической стене проступал слабый рисунок, в точности повторявший орнамент печати.

«Так это не карцер?» – озарило меня.

Я приложил перстень к стене, даже постучал – никакого эффекта, кроме металлического звука, неприятно отдававшегося в голове, словно я сам заехал себе по ушам.

Сняв печатку с пальца, я крутил ее и так, и сяк, и все без толку. Может, надо было какие-то заклинания прочесть, но дед их мне не открыл, да и не было у нас возможности поговорить о тайнах родового замка: то я днем валялся в бреду, то он ночью.

А раз не открыл, значит, достаточно перстня.

Я надел перстень, покрутил на пальце. Когда я повернул его печаткой к ладони, он вспыхнул ярче, как и печать на стене. Я с силой нажал ладонью на стену, совместив перстень со светящимся орнаментом. Что-то кольнуло палец и обожгло так, что хотелось отдернуть руку, но я сдержался и был вознагражден: толстенный металлический лист завибрировал и поднялся, открыв ход – узкий, по ширине плеч рыцаря в полном доспехе, довольно массивного рыцаря, надо признать.

Здесь кладка стен была другая: крупные массивные блоки базальта, блестящие, как отполированные, с такими тончайшими волосками соединений, что ходы казались проплавленными в скальном массиве. Уму непостижимо, кто, кроме дарэйли, способен был ворочать и с такой точностью подгонять эти глыбы.

Это был настоящий лабиринт, куда более разветвленный и извилистый, чем даже в Нертаиле, хотя более компактный. Ходы равномерной ширины и довольно низкие – от макушки до свода оставался локоть, а кое-где приходилось наклоняться. Один рыцарь с копьём и длинным

кинжалом мог бы здесь сдерживать сотню. По бокам в стенах встречались неглубокие ниши, высеченные для того, как я понял, чтобы могли разминуться два человека.

Иногда ходы выводили в круглые колодцы, и в некоторых из них стены, испещренные характерными прямоугольниками, подсказывали, что такой колодец в любой момент мог стать винтовой лестницей. Кое-где я наткался на тупик – опущенный пресс. А далекий гул оповещал, что кто-то методично отсекает мне путь наверх.

Через какое-то время в движение пришли стены перехода, едва не раздавив меня. Я догадался втиснуться в нишу и передвинулся вместе со стеной. За время моих блужданий такое глобальное перемещение повторилось еще несколько раз, окончательно меня запутав.

Совершенство защиты замка восхищало. В узких коридорах даже дарэйли не смогли бы толком атаковать – нам просто не развернуть здесь крыло силы, а колодцы, движущиеся стены могли рассечь и блокировать и крупную армию напавших. И наверняка есть ловушки, попасть в которые я еще не успел.

Но кто мог напасть на замок снизу? Ионта прошу не считать, там было предательство. Теперь, увидев одну из тайн замка, я в этом уверен.

Я шел долго, сбившись, сколько раз передвигались стены.

В какой-то момент мне показалось, что я и не выходил из Лабиринта Нертаиля, а по-прежнему блуждаю во мраке, уже много-много лет, и буду блуждать вечно. Дыхание Тьмы ощущалось явственно, словно тонкие паутинки касались кожи, опутывая, поглощая, затягивая куда-то, все глубже и глубже.

Наткнувшись на монолитную плиту из небесного металла, перегородившую ход, я понял: это чувствовалась близость чужого мира. Там, за вмурованной в стены преградой – Врата.

Так мог звать только Линнерилл.

И моя Лунная королева. Совсем рядом, под боком!

И она ждет... Я как наяву видел ее лицо, слышал ее шепот: «Ты мой, Райтэ! Ты принадлежишь нашему миру».

Великий Эйне! Чудовищная тоска захлестнула меня. Хотя бы еще раз коснуться прохладных тонких пальчиков, заглянуть в звездные глаза, увидеть, как сияют жемчужными лучами ее крылья.

Крылья... Опомнись, дурак, ты последнее жалкое перо обменял на свободу друзей, не спросив, на черта им такая «свобода», когда ты сам отдал себя Гончару вместе с ними?

Не знаю, сколько я просидел под той плитой, слушая зов Линнерилла.

Перстня было мало, чтобы сдвинуть такую преграду, и я продолжил поиск выхода наружу. Несколько раз я открывал ходы с помощью печати Энеарелли и, наконец, за двумя металлическими перегородками нашел неразрушенную лестницу. Наверху, на одной из стен, мерцала печать.

Охрана покоев князя Доранта весьма удилась, когда я начал ломать резную дверь изнутри и требовать Граднира и рыцаря Ольхана. Если кто-то думает, что я спущу покушение на свою дурацкую жизнь, то сильно ошибается.

Оказалось, все, кто остался в замке, полночи стоят на ушах: тревогу поднял Граднир, следовавший за мной по пятам на расстоянии, пока я кружил по переходам из крыла в крыло. Но проследить за мной до подземелий дарэйли не смог: попался в ловушку, когда одна из лестниц ушла у него из-под ног. Пока он выкарабкивался, кто-то убил стражника у каземата и захлопнул мою западню.

Рыцарь Ольхан, в чьем ведении была стража, возглавил расследование по свежим следам, а Граднир сразу отозвал меня в сторону и шепнул:

– Я знаю, кто убил парнишку-стражника. Вычислил по запаху.

Если мой дарэйли не только не разорвал в ярости предателя, но и не стал заявлять о своих подозрениях во всеуслышание, вывод был неутешительный. Кто, кроме самого деда и его верного рыцаря Ольхана мог хорошо знать подземный лабиринт и управлять им? И кого мог близко подпустить стражник?

– Дай догадаюсь, – еще тише сказал я. – Грюнт?

Граднир кивнул.

– Где он сейчас?

– У себя прячется.

– Пусть глаз не спускают.

Я еще ни разу не видел слабоумного дядю, но он мне уже заранее сильно не нравился.

Было тут одно противоречие: все не могут ошибаться, особенно, княгиня Памела-Анита, и, значит, ее сын действительно безумен. Но безумец не способен на расчетливые поступки. Настолько расчетливые. Тут проблесков разума, о которых упоминала бабушка, мало.

Логично предположить, что его кто-то направляет, и кто-то замечает за ним следы. И кто-то должен был приводить в действие механизмы ловушек, если они не управляются из одного места. Знать бы, из какого, тогда можно рассчитать, много ли было времени у убийцы, чтобы до него добежать, и тогда точно знать о наличии сообщника.

Граднир взял на себя слежку за Грюнтом, а я отправился в свои комнаты: близился рассвет, и спину ломило уже не только от напряжения.

Глава 6

Сьент поднялся, едва в белесой предрассветной дымке начали таять звезды. Благой Кейен, к его досаде, уже тихо молился в уголке, и отвлекаться на разговоры не стал. А там и Ханна проснулась.

Небо было ясным, слава Сущему, лошади отдохнувшими, а настроение бодрое, предвкусшающее встречу с беглым принцем уже к ночи.

Увы, благой паттер, жалея животинку, отказался сесть в одно седло с Гончаром, решил проводить гостей пешком. И Сьент из благородной вежливости спешил и вынужден был вести своего коня на поводу и месить грязь прохудившимися за долгий путь сапогами. Дарэйли форм Парк, конечно, никогда бы не допустил такого безобразия, как дырявая обувь хозяина, но бывший раб предпочел свободу, и бывший Верховный теперь безропотно вкушал все прелести осенней слякоти.

«Когда-то надо учиться и смирению», – думал он, тщетно ожидая возобновления столь важного разговора с Кейеном, оборванного вчерашним вечером на полуслове.

Совершенно здоровая и заметно похорошевшая Ханна, даже не заметившая, что во время сна лишилась оспин и конопушек на личике, ехала впереди на лошади, то и дело оглядываясь: не заблудилась ли она, не потерялись ли спутники? Ее распущенные по спине русые кудри, с таким же золотистым оттенком, как у Сьента, ослепительно сияли в свежерожденных лучах солнца.

Две пичуги, вившиеся вокруг Ханны, устроились на ее плечах, вызвав восторг девушки, а заодно своим щебетом заполнили ее уши. Увязавшийся за хозяином серый пес весело нарезал круги вокруг ее кобылки и лаем добавлял шума.

– Она похожа на светлую дарэйли, – улыбнулся благой паттер, понизив голос до шепота.

– Обычная селянка. Большинство юниц похожи на ангелов, потом либо пухнут от голода, либо жиреют от родов, – заметил Гончар, и, убедившись, что его спутница полностью увлечена игрой с птицами и собакой, добавил на языке высших: – Я обдумал твои слова, Кейен. Получается, Ионт стал искать спасения у вас, когда понял, что его владыка, которому он посвящал все жертвы и завоевания, отнял дары – неуязвимость, власть и прочее?

Старик кивнул, дополнив его догадку:

– А это, как ты понимаешь, означает только одно: лунный дьявол получил кровь первенца Ионта и воплотился. И мы его давным-давно прозевали!

– Поверить не могу! – Сьент замедлил шаг. – Гончарами проверены все женщины, которых Ионт... попользовал и оставил в живых: фаворитки, обслуга, случайные связи, даже его походные жертвы. О женах и не говорю.

– Но вы же не боги, Сьент, чтобы ведать абсолютно всё. Уверенность паттерата зиждется не только на косвенных признаках. Главное – о воплощении врага в нашем мире заговорил Эстаарх.

И Сьент окончательно распрощался с надеждой на лучшее. Горько вздохнул.

– Вы просили помощи у архетов?

– Это они у нас ее... потребовали. Так как воплощение богов не предусмотрено договором Трех миров, они ничего не могут сделать, даже обвинить Линнерилл в грязной игре. Никто не в ответе за деяния своих богов.

Сьент почти простонал:

– Значит, все было напрасно! Кейен, я вдребезги проиграл.

– Почему ты берешь всю вину на себя? Что ты и я могли сделать тогда, будучи совсем юнцами? А ты и сейчас все еще мальчишка, – он с улыбкой взглянул на столь молодое лицо ровесника, обрамленное золотистыми прядями выбившихся из хвоста волос.

Съент в ответ мрачно глянул исподлобья.

– И ты подозреваешь, Кейен, что Райтегор – воплощение лунного дьявола? Не уверен. Гончары не могли допустить такого. За ритуалом призыва эйнеры наблюдал первый наставник Ионта, тогда он еще был в здравом уме. Да это и невозможно: дарэйли рождается по двое, и вопрос первенства весьма условен, ибо эйнеры не рожают. А Лунному дьяволу нужен именно первенец. Кстати, Ионт говорил вам, какую сущность призвал?

Старик качнул головой:

– Нет. Император признался на исповеди, что все пошло не так при призыве эйнеры, и он сам не знал, какая сущность в итоге вошла в тело императрицы. Его наставник тогда и сошел с ума, а у Ионта после были провалы в памяти. Это его и напугало так, что он сразу ринулся к нам.

– И они всё скрыли даже от Сферикала! – негодовал Гончар. – Столько времени потеряно! Ладно, бездна с ними. Эти двое уже расплатились. А ты-то почему молчал?

– Признаков-то никаких не было, кроме исповеди Ионта, а он... Сам знаешь, веры ему не было никакой. Его первенец, если это не кто-то из принцев, не найден даже вами. Но он существует. Таился где-то. Долго таился. И впервые заявил о себе три месяца назад. Помнишь эпидемии, выкосившие летом половину имперской столицы? В котлованах хоронили, столько было трупов. Вот тогда Эстаарх всполошился, и я отправился в Нертаиль. Смерти прекратились, как только юный принц вышел из Лабиринта. А теперь скажи мне, Гончар, будь Райтегор сущностью смерти, разве эпидемии кончились бы так внезапно?

– Он бы только усилил тот хаос, – признал Съент.

– Вот то-то! Думаю, воплощение князя Тьмы отправило в Нертаиль нечто, что должно было встретить беглеца. Это нечто и шло по следам нашего мальчика. Пило жизни.

– Если оно не нападало на принца, то сопровождало и охраняло, – Гончар нахмурил брови. – Плохо. Это значит, что Райтегор, какова бы ни была его сущность – помощник князя Тьмы. И все опять приводит нас к плану Линнерилла по захвату нашего мира.

Старик покачал головой:

– Я не увидел в нем тьмы больше, чем в любом из ваших темных демонов. Но думаю, через него мы найдем воплотившегося дьявола. Что бы ни шло за нашим мальчиком по пятам, теперь это бродит вокруг замка, словно караулит его. Нехорошие дела стали тут твориться: скот мрет, люди пропадают, болезни опять же... и народ винит в этом ваших демонов и их князя, но в их невиновности я уверен. Райтегор тут ни причем. Поможешь?

– Отправлю весть Сферикалу. У меня теперь нет дарэйли, помогать не с кем, разве что вернуть какого-нибудь Потерянного, но это требует времени, чтобы отыскать подходящего, – Съент на ходу вытащил из-за пазухи и развернул пергамент с картой. – Вот, пожалуй, тут твоя отметка есть, можно глянуть. Это близко, на полпути к замку. Небольшой крюк. Что там?

Целитель глянул, охнул:

– Только не говори мне, что нетленные мощи святого Хольега – это ваш спящий демон! Не позволю надругаться над святыней! Нет-нет, даже не думай, ишь, глаза разгорелись. Вся-коньких дарэйли и без того полно в замке, и твоя Мариэт там.

– Она уже не моя. А как примет меня мой... хм... послушник, и примет ли – неизвестно. Нашему мальчику, – передразнил Съент, не удержавшись, – неплохо бы разобраться для начала, чью волю он вершит – свою, Ионта, Отца Тьмы или Лунной королевы.

Из-за поворота вылетела перепуганная Ханна, но, увидев двух беседующих друзей, сразу успокоилась:

– Вот вы где, а я думала – потерялась!

Путники, обойдя по дуге небольшой городок, добрались до очередной поминальни Единого, ничем не отличавшейся от предыдущей, разве что более старой и обшарпанной.

Здесь Гончар решительно отказался от дальнейшего сопровождения: замок уже близко, до полуночи можно добраться, если с Потерянным не возиться.

* * *

Когда путешественники скрылись за деревьями, благой паттер потрепал загривок серого пса, преданно жавшегося к его ноге.

– Проводил бы ты наших дорогих гостей, кабы не заблудились они. Да и нечисть та непонятная бродит, а мы с тобой никак не можем ее выловить.

Пес стрелой рванул из его рук, понесся по следам всадников.

А старик, дойдя до дверей поминальни, постучал в дверь, покопался в складках выцветшей от старости сутаны и, вытащив засаленный клочок пергамента, протянул выглянувшему поминальщику со словами:

– Мир дому сему, преблагой паттер. У меня поручение от всеблагого Блаура. Воспомоществование надобно, не откажи.

– И тебе мир, благой, – сорокалетний мужчина с объемным пузом брезгливо скорчился и даже не глянул на пергамент. – Чего надобно-то? Денег нет, сразу скажу, и кормить тебя нечем. Поминальня в запустении, видишь?

– Мне бы чернил, осьмушку чистого пергамента, да дощечку ровную – письмо написать.

Поминальщик с угрюмым подозрением прищурился. На его круглом, тщательно выбритом лице читалось: уж не для жалобы ли пергамент понадобился?

– И пергамента нет, – мотнул он головой, – дорогой он нынче, да и надобности в нем мне никакой – неграмотный я.

– Как же ты поминания свершаешь? – удивился Кейен.

– Так я наизусть все священные тексты помню, и всех жителей в округе знаю в лицо, и родословные их до десятого колена – не запутаюсь, кого каким словом поминать.

Гость, снова запустив руку в складки сутаны, вытащил пару мелких серебрушек.

– На пергамент и чернила средства у меня есть. Но я с дороги устал, а лавка отсюда далековато. Помоги хоть в этом старику.

Поминальщик расплылся в улыбке, торопливо выхватил деньги.

– Не беспокойся, благой, тут неподалеку лавочник один живет, у него и возьму нужное. Ты пока тут подожди, – он кивнул на сырое и грязное бревно, лежавшее у забора. – Я быстро.

Впопыхах негостеприимный паттер забыл запереть дверь храмины, и, едва хозяин скрылся, Кейен, несмотря на распоряжение преблагого, спокойно вошел в поминальню, а оттуда через внутреннюю дверь – в примыкавшую к ней сторожку. Крепкую, богато убранную и украшенную вышитыми шелками.

Оглядевшись, он взял нож у очага с еще горячим котелком, откуда пахло мясным варевом, нашел перо, валявшееся на полке, заточил. Вытащив из-за пазухи пергамент, поскреб ножиком, нарезал полоски, затем снял с пояса чернильницу и, сев на лавку у стола, принялся за письма. Пока он писал, стая всевозможных птиц слеталась на подоконник распахнутого окна.

Из сторожки гость ушел, не оставив никаких следов своего пребывания, задолго до того, как вернулся посланный за пергаментом и нарочно замешкавшийся до глубокого вечера поминальщик.

* * *

Толстяк не был бы уверен, что ему не померещился старик в сутане низшего служителя Единого, если бы не сэкономленное серебро (замызганный клочок пергамента и чернила он получил, разумеется, даром). Да и не до нищенствующих братьев ему уже было: едва войдя, он обнаружил, что тугой кошель на поясе, куда с трудом были запиханы деньги старца, лопнул по шву, и все серебро незаметно выкрошилось в прореху по дороге. На дне остались только две монетки, может, те самые.

– Как же я не заметил-то? – сокрушался поминальщик. – Демоны украли! Проклятые демоны замка! – красный от злости преблагой схватил перо, валявшееся на полке, и на добытом клочке пергамента принялся строчить донос в Паттерат на князя Энеарелли, укрывавшего нечистую силу. Две серебрушки ушли на оплату услуг гонца.

А в темнеющих небесах над крохотным городком разлеталась во все стороны небывалая стая птиц – ястребы соседствовали с голубями, вороны с воробьями – и каждая несла на лапе по полоске пергамента с тайнописью и оттиском печати Всеблаженнейшего Паттерана. Глава храмовиков, скитающийся по миру, как положено по уставу – бедным, безликим и безымянным – готовил священное воинство к худшему.

Глава 7

Уснуть я не смог, хотя уже день наступил: слишком был взбудоражен.

Не ошибся ли я, приняв желаемое за действительное? Есть в лабиринте Врата, или мне померещился их зов?

Рассудок убеждал, что их не может тут быть, иначе Гончары не оставили бы их без призора. Тем более, что замок побывал в руках жреца-императора. Но Гончаров в замке нет, это я знал точно. Дарэйли всех проверили: и рыцарей, и их родственников, и челядь. Я и деду сказал, чтоб он даже слуг не нанимал, не показав мне.

Отвлечь от тоскливых мыслей могло только действие.

Встал, оделся (уже не так пышно), дорисовал план замка.

Тщательно осмотрел опочивальню.

Стены-то у замка слишком массивные, с добрую залу толщиной. И перегородки на плане выглядели лишь чуток тоньше. И дед обещал показать тайные проходы, когда я поднимусь на ноги, но вечно мы с ним не совпадали во времени.

Камни как камни, кое-где прикрытые гобеленами (под них я тоже заглянул).

Потом догадался надеть перстень Энеарелли и обнаружил-таки искомое: за тяжелым парчовым балдахинном, спускавшимся вдоль стены, замерцал знакомый орнамент. Ага, значит, изобретение основателя рода «работает» только в контакте с кожей потомка. Такой ключ красть бесполезно.

Тесный ход вел в тупик, но перстень с ним справился.

Ходы были двойные, как я понял: тайные и еще более тайные. Последние открывались только перстнем, а первые – рычагами, которые я легко обнаруживал с помощью моего универсального «ключа»: на камнях имелись метки, вспыхивающие при приближении перстня. Удобно.

Идти внутри стены было куда проще, чем по лабиринту: поэтажный план замка, который я все-таки закончил перерисовывать, впечатался в память, и я ощущал себя движущейся точкой на схеме. В конце концов, не зря погибший Тион заподозрил в моей сущности аспекты Логоса, да и после Лабиринта Нертаила мне уже никакой не страшен.

Внутренняя стена была толщиной в два локтя, а в массивной внешней (локтей пять, не меньше!) попадались такие же небольшие углубления, как в нижнем лабиринте. Вполне возможно, где-то были спрятаны и ловушки, но на меня они не действовали.

В стенах, как нетрудно догадаться, был самый короткий путь между сомкнутыми вокруг центрального донжона крыльями замка, и им часто пользовались: перегородки открывались легко и бесшумно.

Когда я проходил сквозь стену тронного зала в княжеском крыле, в смотровую щель долетел встревоженный голос Ольхана:

– Врата ожили, княгиня, и наверняка это произошло из-за вашего внука, он сумел подойти к ним вплотную... Прости, госпожа, не усмотрел... Если Дорант не вернется в ближайшее время, последствия непредсказуемы.

Не являясь убежденным сторонником подслушивания, я заторопился дальше. Понадобится – доложат. Но надо бы уже возвращаться, чтобы было, кому докладывать.

Вот и посмотрим, насколько доверяет мне семья Энеарелли.

Главное, ради чего я терпел боль в спине, хотя давно надо было отлеживаться и зализывать раны, ясно: Грюнт, знавший замок, как пять пальцев, вполне мог добежать к управлению лабиринтом после убийства стражника. Наверняка управление спрятано в центральном крыле, поближе к княжеским покоям.

Нет, так его сообщника не вычислить.

Зайдем с другой стороны.

Почему Грюнт покушался на мою жизнь? Или заговор направляет кто-то другой? В любом случае – глупая попытка. Не потому, что не получилась, а потому, что даже уничтожив меня, правящим князем Грюнт не станет, и от демонов замок уже не избавить – Дорант не позволит. А найти заговорщиков – вопрос очень недолгого времени.

Сделав круг, я спустился на первый этаж своего крыла, решив еще раз исследовать подземный лабиринт и попытаться проникнуть к Вратам. Они меня звали, я чувствовал.

В замке царила тишина: люди были утомлены ночной суматохой из-за моей пропажи и досыпали упущенное. Потому я и услышал приглушенный женский вскрик, и помчался на звук.

Я вылетел в подвал с массивными колоннами. Это было еще не подземелье: горели факелы, коридор слишком прямой и широкий, и по нему на меня бежала девушка.

«Великий Эйне! Как, каким чудом?» – захолонуло сердце, когда я узнал испуганные и в то же время гневные глаза, сверкавшие, как две звезды, и смертельно бледное лицо с нежными, чуть припухлыми губами. Она услышала мою тоску, она пришла на мой зов! Но как ей удалось, и почему Лунная королева – одна?!

Я метнулся навстречу и, увидев того, кто за ней гнался, ощутил приступ тошноты: крупная фигура, похожая на помесь огромной обезьяны с собакой – длинные конечности, вытянутая морда и бугристое тело, покрытое странной шкурой из каких-то комков с нашитыми крысиными мордами и болтавшимися червеобразными шнурками.

Мечи мгновенно появились в ладонях – мглистый и огненный. «Это не шкура. Дохлые крысы!» – понял я, уже рассекая клинками слеппенное из трупиков тело кадавра.

Распавшись на отдельные комки, крысы зашевелились, полезли на меня. Их глотки были перерезаны, и не издавали ни звука. Только зубы щелкали, а головы нелепо мотались, но очень шустро: в сапоги уже вцепились самые смелые трупы. Две мертвые твари метнулись мне на спину.

Я отпрыгнул, стряхнув крыс с обуви и впечатав спину в ближайшую колонну. Хрустнули кости, к счастью, не мои, но хватка мелких зубов не ослабла, а сукно камзола – это вам не латы, хотя бы кожаные. Было бы у меня крыло...

Разъяренный дарэйли смерти, наверное, страшное зрелище, и не перед моей королевой представать в таком виде, но я уже плюнул на то, что не быть мне прекрасным принцем-консортом.

В результате то ли глаза полыхнули, то ли все лицо превратилось в драконью морду и изрыгнуло пламя. Главное – крысы разлетелись огненными шариками, и невыносимо завоняло горячей падалью. Содрав с себя камзол, я изрубил его мечом прямо в воздухе. На каменный пол упали только искры.

– Райтэ! – отчаянный вскрик за спиной.

Я обернулся вовремя, чтобы увидеть, как Иллира, взмахнув руками, исчезает в открытой двери потайного хода. Если это и был магический пасс, то результата не последовало. Может быть, королева не смогла произнести заклинание: ее рот зажала чья-то широченная ладонь. Кто тащил девушку, я так и не разглядел.

Плита начала вставать на место.

– Ну, нет! – прохрипел я, в три прыжка оказавшись у двери, заклинил плиту серповидным мечом, не жалея лезвия. Камень захрустел, как засохшая корка хлеба под ножом, но мне хватило времени протиснуться в щель. Меч остался в подвале.

«Остался ли?» – хмыкнул я, через миг ощутив его ледяную рукоять в левой ладони.

На лестницах никого не было. Тишина. Я знал, что похититель улизнул куда-то в ближайшую дверь, либо опустил каменные блоки. Но куда он скрылся?

Суетиться и скакать по переходам бессмысленно. Затаив дыхание, я прислушался, уловил невнятный звук. Стараясь не потерять направление, поднялся на один пролет и пошел по прямому участку. Тупик. Отрезок был слишком короткий из-за опущенной преграды. Открыл. Еще ступени... Здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.